

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-839-856

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РЕШЕНИИ КОРЕЙСКОГО ВОПРОСА (1944—1945 гг.)

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В статье на основе советских и американских документов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, рассматривается место корейской проблемы в советско-американских отношениях середины 1940-х гг. Вскрываются основы политики в «корейском вопросе» СССР и США, вводятся два новых актора, действовавших на территории США и сыгравших значительную роль в формировании этой политики, — Китайско-корейская народная лига и Корейская комиссия.

Руководствуясь принципами историзма и научной объективности, проанализировав советские архивные документы и сравнив их с американскими, автор делает вывод о том, что до начала 1950 г. корейский вопрос не имел первостепенного значения ни для Москвы, ни для Вашингтона. Обе стороны выступали за создание независимой Кореи (пусть и с разными целями, и в своем понимании независимости).

Вместе с тем, уже в конце 1945 г. корейская проблема стала одним из тех вопросов, по которым ялтинские договоренности не смогли быстро воплотиться в реальность. Как это случилось с рядом других вопросов, рассматривавшихся в то же время и также не получивших ожидаемого и быстрого решения, корейская проблема перестала восприниматься союзниками как автономная. Возникновению взаимного недопонимания и подозрений между СССР и США немало способствовали действия будущего первого президента Южной Кореи Ли Сын Мана, стремившегося увеличить свой политический капитал за счет разногласий между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Определенную роль в них сыграл и глава Китайско-корейской народной лиги Килсу Хаан.

Изменение советской политики в отношении Кореи, ставшее одной из главных причин начала Корейской войны, произошло лишь в начале 1950 г. и стало следствием кардинального изменения политической обстановки в мире, весьма далекой от тех условий, в которых заключались ялтинские соглашения.

Ключевые слова: Корея, Ялтинская конференция, Г. Трумэн, И.В. Сталин, Япония, Коноэ, Ли Сын Ман, Килсу Хаан, Корейская комиссия, Китайско-корейская народная лига

Во второй половине 1940-х гг. корейский вопрос был лишь одним из элементов сложной мозаики советско-американских отношений. Год за годом обе стороны на разных уровнях заявляли об отсутствии интереса к корейским делам, и в то же время именно Корея — больше, чем какая-либо другая страна, включая Иран, — могла стать отправной точкой новой мировой войны.

СОВЕТСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В полном соответствии с общей тенденцией, присущей американской историографии холодной войны, в изучении данного вопроса сформировались традиционалистская и ревизионистская школы. Первая воспринимала вторжение северо-корейской армии в Южную Корею как «советский военный план», разработанный, подготовленный и воплощенный И.В. Сталиным в рамках общей экспансионистской политики СССР [Dallin 1961: 60]. Вторую школу возглавил американский историк Б. Камингс, заявлявший, что влияние Советского Союза на правительство Корейской Народной Демократической Республики (КНДР) куда меньше, чем воздействие на него Коммунистической партии Китая (КПК) [Cumings 1981]. Некоторые ученые утверждали даже, что определяющим фактором советской политики в отношении Кореи были отношения И.В. Сталина с Мао Цзэдуном. М. Шульман полагал, что советский лидер боялся отдавать инициативу в корейских делах в руки китайцев и потерять тем самым то влияние, которое Советский Союз имел в Северной Корее [Shulman 1963: 141].

Известный американский ученый А. Улам также связывал интерес И.В. Сталина к Корее с его стратегией в отношении Китая. Более того, он предположил, что «корейское дело» было начато для устрашения китайских коммунистов и удержания их в подчинении Москве [Ulam 1992: 81—82]. Впрочем, ни одна школа не ставила под сомнение зависимость Северной Кореи от советского вооружения. Очевидным считался и тот факт, что нападение на Южную Корею было санкционировано Москвой.

В советской историографии корейского вопроса также присутствуют традиционалистская и ревизионистская школы. Первую представляют все крупные корееведы советского периода — М.Н. Пак, Ф.И. Шабшина, В.И. Денисов, В.И. Осипов, В.И. Андреев и др. В их работах вина за раздел Кореи возлагается исключительно на Вашингтон и Сеул, а СССР предстает в роли освободителя корейского народа от гнета японских империалистов [Шабшина 1958: 232]. После окончания холодной войны исследователям стали доступны документы из японских, корейских и американских архивов, что привело к переоценке роли СССР в разделе Кореи и начале Корейской войны. Однако в конце XX — начале XXI в. интерес ученых к рассматриваемой теме несколько снизился, и единая позиция ревизионистов, по сути, так и не сформировалась. Впрочем, в последние годы события, предшествовавшие началу Корейской войны, вновь начали привлекать внимание российских историков.

Тем не менее многие вопросы пока остаются без ответа. Действительно ли И.В. Сталин хотел взять под контроль весь Корейский полуостров? Если да, то когда именно у него появилось это желание? Если еще до окончания войны, то почему он не озвучивал свой интерес к Корее ни на одной из конференций союзников? Насколько сильно Советский Союз влиял и мог влиять на процессы, происходившие во второй половине 1945 г. в Корее? Какие еще игроки, помимо правительств США и СССР, участвовали в формировании корейской политики обеих сторон?

Некоторую информацию дают рассекреченные документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Однако лишь в соединении с американскими документами по «корейскому вопросу» и мемуарами американских политиков они могут дать более или менее реалистичные ответы на поставленные вопросы.

КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Интерес к Корее во внешней политике России впервые возник в конце XIX в. В 1895 г. российский адмирал и государственный деятель Н.М. Чихачев сформулировал следующую позицию России в отношении Кореи: «Россия — единственная держава, которая может быть вынуждена теми или иными обстоятельствами занять часть Кореи»¹. И в конце 1945 г. такие обстоятельства возникли.

Вопрос о Корее поднимался на основных межсоюзнических конференциях военных лет, однако ни на одной из них ему не придавалось большого значения. Так, хотя вступление Советского Союза в войну с Японией обсуждалось и на Квебекской конференции в августе 1943 г., и в ходе визита госсекретаря США К. Хэлла в Москву в октябре того же года [Stettinius 1949: 91], Корея была впервые упомянута лишь в Каирской декларации, подписанной Ф.Д. Рузвельтом, У. Черчиллем и Чан Кайши 3 декабря 1943 г. В ней говорилось, что США, Великобритания и Китай, «помня о поработанном народе Кореи, решили, чтобы в должное время Корея стала свободной и независимой»². Далее вплоть до Ялтинской конференции «корейский вопрос» союзниками не обсуждался. В записке крупного советского дипломата И.М. Майского о послевоенном устройстве (январь 1944 г.), которую, очевидно, можно считать концептуальным документом для внешней политики СССР как минимум на 1944—1946 гг., Корея не упоминается вовсе. В качестве стратегически важных для СССР объектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе указываются Южный Сахалин и Курильские острова. Кроме того, И.М. Майский полагает, что советскому руководству желательно «обеспечить мир в Европе и Азии на ближайшие 30—50 лет»³. Таким образом, к началу 1945 г. основные цели Советского Союза в рассматриваемом регионе состояли в поддержании разумного «баланса сил» на Дальнем Востоке и возвращении территорий, утраченных Россией после окончания Русско-японской войны.

КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС В АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

У правительства США в Тихом океане были более внушительные цели — контроль над островами, оккупированными Японией в ходе войны, и над объединенным Китаем. Корея в их число не входила [Weathersby 1993: 9—10].

¹ Н.М. Чихачёв — Н.П. Шишкину, 27 января 1895 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИГИМ). Ф. 444. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 года и 2 сентября 1945 года / Министерство иностранных дел СССР. М.: Госполитиздат, 1955. С. 105—106.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 29.

В самой Корее не было сколько-нибудь влиятельных политических сил, с которыми союзникам следовало считаться при решении вопроса о будущем страны. Однако в Шанхае, а затем в Чунцине с 1919 г. существовало так называемое временное правительство Республики Корея в изгнании. В рассматриваемый период его возглавлял Ким Гу. Первый президент непризнанного правительства Ли Сын Ман с 1925 г. проживал в США, где возглавлял Корейскую комиссию в Америке и Европе (с 1925 г.) и Объединенный корейский комитет (с 1941 г.) и был известен там как д-р Сынман Ри.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. И.В. Сталин озвучил условия, на которых СССР будет готов вступить в войну с Японией. Госсекретарь США Э. Стеттиниус признавал, что добиться от советского руководства конкретного обещания вступить в войну с Японией было главной задачей делегации Соединенных Штатов [Кошкин 2004: 239]. Несмотря на то что в начале 1945 г. И.В. Сталин находился на пике своего авторитета среди союзников и мог, по крайней мере, попытаться затребовать намного больше, он выставил достаточно скромные условия: контроль над Южным Сахалином и Курильскими островами, аренда Китайской восточной железной дороги и маньчжурских портов Дайрен и Порт-Артур; сохранение статус-кво в отношении Внешней Монголии [Кошкин 2010: 292]. За исключением Южных Курил все эти требования возвращали Советский Союз на позиции, утерянные в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Относительно Кореи никаких пожеланий советским руководителем высказано не было, кроме весьма *неопределенной* договоренности с президентом США Ф.Д. Рузвельтом об установлении совместной опеки над ее территорией и о том, что американцы не будут размещать на полуострове свои военные базы. Союзники подтвердили, что все требования советской стороны будут безоговорочно удовлетворены после победы над Японией⁴. Ф.Д. Рузвельт затем спросил И.В. Сталина, следует ли пригласить Великобританию к участию в опеке. И.В. Сталин ответил, что это нужно сделать, иначе У. Черчилль «их убьет». Рузвельт заметил, что сначала можно установить трехстороннюю опеку (СССР, США, Китай), а затем пригласить и британцев, если они «поднимут шум»⁵. Судя по отношению обоих лидеров к решению судьбы Кореи, этот вопрос был для них куда менее важным, чем ряд других, обсуждавшихся на конференции. Нет никаких сомнений в том, что, если бы И.В. Сталин преследовал более масштабные цели в Тихоокеанском регионе, они были бы озвучены в Ялте, поскольку СССР находился в чрезвычайно выигрышной позиции и мог затребовать за свое вступление в войну с Японией куда более высокую цену.

Оставляя подробное рассмотрение этого вопроса за рамками настоящей статьи, необходимо упомянуть о том, что и США, и Советский Союз вели переговоры о ситуации в Тихоокеанском регионе с китайским правительством Чан Кайши. Обе державы надеялись усилить свою стратегическую позицию путем привлечения Китая на свою сторону. Китайская дипломатия, желая извлечь из этой

⁴ Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. М., 1967. С. 155.

⁵ Foreign relations of the United States (FRUS). Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 770.

ситуации максимальную выгоду, не хотела принимать скоропалительных решений и вела параллельные переговоры и с Москвой, и с Вашингтоном. Кроме того, китайское руководство сотрудничало с Временным правительством Кореи в изгнании. Так, в ходе секретных переговоров между директором Отдела по делам Дальнего Востока Госдепартамента США Дж. Бэллантайном и старшим секретарем Чан Кайши Шао Ю-Лином в феврале 1945 г. последний интересовался возможностью получения военной техники для Армии возрождения (Кванбоккун) Временного правительства Республики Корея на условиях ленд-лиза, на что было дано предварительное согласие⁶.

ЯПОНСКИЙ ВОПРОС

К лету 1945 г. позиция советского руководства в отношении Кореи значительно изменилась (без сомнения, в связи со смертью Ф.Д. Рузвельта и приходом на пост президента США Г. Трумэна). В справочной записке по этому вопросу, подготовленной в июне 1945 г. двумя чиновниками Второго дальневосточного департамента НКВД Е. Забродиним и Д. Жуковым, указывается, что независимость Кореи имела жизненно важное значение для советской национальной безопасности⁷.

7 июня 1945 г. советский посол в Японии Я. Малик сообщил И.В. Сталину, что на тот момент Советский Союз мог легко получить Южный Сахалин, часть островов Курильского архипелага и лишить Японию права рыбной ловли в советских территориальных водах в обмен на обещание не вступать в войну на Дальнем Востоке, но добиться каких-либо уступок по Корее, Маньчжурии, Квантуну и Северному Китаю будет очень сложно. Их можно будет получить только в результате полного разгрома и безоговорочной капитуляции Японии [Slavinskii 2004: 168].

В начале июля 1945 г. Токио начал предпринимать попытки предотвратить вступление Советского Союза в войну с Японией. 12 июля 1945 г. император Хирохито разрешил своему бывшему премьер-министру принцу Коноэ посетить с этой целью СССР. Посол Японии в СССР Наотакэ Сато немедленно получил распоряжение уведомить о визите советское руководство, что и было сделано 13 июля в ходе встречи японского дипломата с заместителем В.М. Молотова С.А. Лозовским⁸. Невзирая на то что в правительстве Японии не было единодушия ни в оценке ситуации, ни в сути предложений, которые следовало сделать советскому правительству, принц Коноэ заявил, что не нуждается в инструкциях и будет действовать по своему усмотрению сообразно ситуации⁹.

В Москве сама возможность проведения сепаратных переговоров с Японией была воспринята чрезвычайно негативно. Опасаясь войны со своими западными союзниками куда больше, чем противостояния с Японией, И.В. Сталин был чрез-

⁶ Memorandum of Conversation, by the Director of the Office of Far Eastern Affairs (Ballantine) February 5, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1018—1020.

⁷ АВПРФ. Ф. 0430. Оп. 2. Папка 5. Д. 18. Л. 18—30.

⁸ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 897. Л. 1—3.

⁹ Там же. Л. 7.

вычайно осторожным, чтобы не допустить даже малейших подозрений в контактах с Японией за спиной у США и Великобритании. Не найдя в сообщениях Н. Сато никаких «конкретных предложений», советское правительство весьма расплывчато ответило, что нуждается в уточнениях японской позиции¹⁰.

Большая часть июля 1945 г. прошла в обмене письмами и телеграммами с весьма осторожными формулировками. Наконец, 29 июля советская сторона «рекомендовала заинтересованным сторонам, чтобы принц Коноэ передал заранее Советскому правительству свои конкретные намерения и соображения через японского посла в Москве или советского посла в Токио»¹¹. Несмотря на ранее изложенные Н. Сато просьбы об исключительной секретности переговоров и недовольство опубликованной 26 июля без его ведома лидерами США, Великобританией и Китая Потсдамской декларацией, предлагавшей Японии безоговорочную капитуляцию, И.В. Сталин в тот же день, 29 июля, рассказал Г. Трумэну о том, что Япония пыталась начать с советским правительством сепаратные переговоры, и озвучил переписку. Оба лидера приняли общее решение дать Японии неопределенный ответ и посмотреть на дальнейшее развитие событий. Новые попытки японской стороны начать переговоры с советским правительством предпринимались и после Потсдамской конференции, однако Москва продолжала действовать заодно с союзниками, а министр иностранных дел Японии С. Того, на протяжении всей войны выступавший за ее скорейшее завершение, позднее писал в своих мемуарах о том, что попытки Японии вступить в переговоры с Советским Союзом были предприняты слишком поздно и не имели никаких шансов на успех [Того 1996: 435].

Следует подчеркнуть, что в Потсдаме японский и корейский вопросы обсуждались уже совершенно в других условиях, нежели чем в Ялте. Взаимопонимания (или хотя бы его видимости) в «большой тройке» уже не было. Американцы и англичане утратили единство взглядов. После того как Г. Трумэн отказался поддерживать план У. Черчилля по нападению на Советский Союз, а также в связи с тяжелыми переговорами по финансовым вопросам Великобритания начала с подозрением относиться к любым инициативам со стороны США, вполне справедливо полагая, что все они были направлены на развал Британской империи. Корейский вопрос был передан в ведение министров иностранных дел по причине наличия у лидеров «куда более важных дел для обсуждения»¹².

В конечном итоге заниматься корейской проблемой пришлось военным. Советский генерал А.И. Антонов, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, предложил, чтобы Корейский полуостров был включен в советскую зону наземных операций и американскую — воздушных и морских¹³. По вполне понятным причинам эта идея не нашла одобрения у американской стороны.

¹⁰ Вестник МИД СССР. Октябрь 1990. С. 54.

¹¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 897. Л. 20.

¹² FRUS. 1945. Vol. II. Government Printing Office, 1945. P. 252—56.

¹³ FRUS. 1945: diplomatic papers: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). Vol. II. Washington: Government Printing Office, 1960. P. 410.

После успешного испытания американской ядерной бомбы 16 июля 1945 г. необходимость вступления Советского Союза в войну с Японией отпала, однако союзники не смогли найти повод нарушить ялтинские договоренности по этому вопросу. В своих мемуарах госсекретарь США Дж. Бирнс рассказывает о том, что 29 июля 1945 г. В.М. Молотов озвучил ему просьбу советского руководства составить формальный запрос о необходимости вступления СССР в войну с Японией от имени США, Великобритании и других союзников. В этом случае Москва не выглядела бы агрессором, в одностороннем порядке нарушившим договор о нейтралитете¹⁴. После долгих размышлений советник Дж. Бирнса Б. Коэн предложил апеллировать к долгу СССР перед союзниками, в том числе в рамках Устава ООН, согласно которым обязательства СССР в ООН имели приоритет над двусторонними договоренностями, к которым относился и советско-японский пакт [Byrnes 1947: 207—208]. В итоге в декларации о вступлении Советского Союза в войну с Японией говорится об «обращении союзников к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии» и о том, что «такая политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира»¹⁵.

38-Я ПАРАЛЛЕЛЬ

Оставив за рамками настоящей статьи вопрос о вступлении СССР в войну с Японией, о военных операциях советских войск и капитуляции Токио, обратимся к проблемам послевоенного устройства в Корее. Как известно, 8 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии, а 16 августа 1945 г. Сталин одобрил «Общий приказ № 1» Г. Трумэна по вопросу о деталях капитуляции японских вооруженных сил. Помимо прочего в нем говорилось о разграничении по 38-й параллели зон ответственности США и Советского Союза при приеме капитуляции японских войск¹⁶. Этот приказ относился и к войскам, размещенным на территории Кореи. Соответственно, 38-я параллель априори стала границей двух оккупационных зон на Корейском полуострове.

История выбора этой границы достаточно интересна. В Госдепартаменте США считали, что американская армия должна продвинуться как можно дальше на север Кореи, однако военные опасались, что подразделения Красной армии появятся на полуострове раньше, чем американские войска смогут произвести наступление. В результате было решено договориться с СССР о демаркационной линии заранее. 38-я параллель была предложена чиновником Госдепартамента Д. Раском

¹⁴ На самом деле, советско-японский пакт о нейтралитете был денонсирован СССР в начале апреля 1945 г., так что Дж. Бирнс не совсем точен в изложении фактов. К сожалению, в изданных в США и СССР документах Потсдамской конференции этот телефонный разговор В.М. Молотова с Дж. Бирнсом не упоминается.

¹⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 57. Д. 904. Л. 2.

¹⁶ 38-я параллель была выбрана американским руководством без предварительных переговоров с Москвой. См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941—1945. Т. 2. Москва: Госполитиздат, 1958. С. 259.

по ряду причин. Во-первых, она располагалась гораздо севернее, чем успели бы продвинуться войска США; во-вторых, она позволяла включить в американскую зону столицу Кореи Сеул; в-третьих, в южной части оказывалось подавляющее большинство корейского населения¹⁷. Еще одним аргументом в пользу разграничения по 38-й параллели были и особенности организационной структуры японских войск, размещенных на полуострове.

К середине 1945 г. часть базирующихся в Корее подразделений подчинялась командованию Корейского военного округа, а часть входила в состав 17-й войсковой группы, непосредственно подчиненной главнокомандующему сил на Японских островах. Рубеж их зон ответственности практически совпадал с 38-й параллелью [Корейский вопрос... 2003: 10]. Впрочем, известный американский дипломат С. Уэллес в своей работе «Семь решений, сформировавших историю» убедительно доказывает, что решение о разделении Кореи по 38-й параллели было принято под давлением высокопоставленных офицеров из Пентагона и без консультаций с теми членами администрации, которые имели представление о политических и экономических условиях на полуострове [Welles 1950: 167]. В результате, при том, что население южной части Кореи в полтора раза превосходило население северной, от 80 до 95% важнейших природных ресурсов, продукции химической промышленности, производства стали, электроэнергии и т.д. оказалось сосредоточено в советской зоне оккупации [Садаков 2016: 135].

В сентябре 1945 г. американские оккупационные войска заняли южную часть Кореи. Политический советник Госдепартамента в Корее Х.М. Беннингхоф сообщал, что «за небольшими исключениями Советы уважают границу по 38-й параллели»¹⁸. Однако в южной части обнаружились неожиданные проблемы. Во-первых, генерал Д. Макартур несколько вольно интерпретировал п. 5f Директивы главнокомандующему американскими войсками в Корее, утвержденной Госдепартаментом 13 октября и переданной ему 17 октября. Этот пункт предписывал ему временно привлекать к работе чиновников-японцев и корейских коллаборационистов при отсутствии корейских лиц достаточной квалификации¹⁹. Д. Макартур же издал указ, согласно которому все чиновники-японцы, официально сдавшиеся новым властям, могли сохранить свои должности [Borton 2002: 154—155]. Более того, генерал Дж.Р. Ходж, командующий американскими оккупационными войсками в Корее, в инструкции своим подчиненным от 4 сентября 1945 г. назвал Корею «врагом Соединенных Штатов» [Taylor 1948: 355]. Известно, что он использовал японские войска для поддержания порядка в южной части полуострова. Обе эти меры привели к тому, что японцы сохранили привычные им стереотипы поведения в отношении корейского населения, а численность американских войск была

¹⁷ FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1039.

¹⁸ The political advisor in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State. September 15, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1049.

¹⁹ Basic Initial Directive to the Commander In Chief, U.S. Army Forces, Pacofoc, For the Administration of Civil Affairs in Those Areas of Korea Occupied by U.S. Forces // FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1076.

слишком небольшой, чтобы им противостоять. Соответственно практически сразу же в народе возникли возмущения, в результате которых японских чиновников и офицеров все же пришлось заменить американскими.

Во-вторых, у американской военной администрации не было никаких сомнений в том, что советские агенты распространяли свои политические идеи по всей территории Южной Кореи. На фоне общей неустроенности и неудовлетворенности корейского народа, стремящегося к немедленному получению независимости, все это превращало юг полуострова в «пороховую бочку, готовую взорваться от малейшей искры». В завершение своего отчета Х.М. Беннингхоф писал, что «разделение Кореи на две части для оккупации вооруженными силами стран с настолько разнящимися политическими взглядами и без отсутствия единого командования» представляло совершенно «невозможную ситуацию»²⁰. Приблизительно такие же рассуждения можно увидеть в меморандуме генерала Дж.Р. Ходжа генералу Д. Макартуру, главнокомандующему войсками союзников в Японии, от 24 сентября 1945 г.: «Я нахожу, что нынешнее разделение Кореи на две оккупационные зоны, находящиеся под управлением абсолютно разных сил, представляет непреодолимое препятствие для объединения Кореи в единое государство... Представляется весьма сомнительным, чтобы какая-либо из держав, за исключением России, уделяла этим проблемам большое внимание... Дальнейшее разделение страны на две части с противостоящими друг другу идеологиями будет для нее фатальным»²¹.

Между тем, советские документы говорят о том, что до окончательного решения корейского вопроса (предполагалось, что оккупационный режим будет продолжаться 2 года, а затем уступит место четырехсторонней опеке) И.В. Сталин воздерживался от распространения советской пропаганды и открытой поддержки корейской коммунистической партии в южной части полуострова. Напротив, инструкции членам партии на юге предписывали сотрудничать с американцами, поскольку «выработать верную стратегическую линию» можно было только путем правильного понимания международной позиции Кореи. За этой инструкцией последовала другая, весьма необычная (не по идее, но по формулировке) даже для осени 1945 г.: «Идеи Соединенных Штатов, лидера капитализма, и Советского Союза, родины пролетариата, должны выражаться в Корее без противодействия друг другу» [Weathersby 1993: 16].

Не имея четкого представления о том, как будут развиваться события в Корее, советский руководитель предпринял все возможные усилия для обеспечения советского политического влияния в северной части полуострова, не выходя при этом за рамки ялтинских договоренностей. Путем вывоза оттуда оборудования и природных ресурсов под предлогом репараций с Японии он поставил Северную Корею в зависимость от советских поставок и кредитов. Пострадала и южная часть

²⁰ The political advisor in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State. September 15, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1053.

²¹ Memorandum by Lieutenant General John R. Hodge to General of the Army Douglas McArthur at Tokyo. September 24, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1054—1057.

полуострова, для которой поставки ресурсов с Севера имели критическую важность. Соединенные Штаты практически не имели сведений о советской политике в отношении Северной Кореи, поскольку между СССР и США не существовало никакого заранее оговоренного механизма взаимодействия ни по техническим, ни по политическим вопросам. Таким образом, американская сторона могла только делать предположения о намерениях советского руководства, строившиеся в основном на слухах, а также на прекращении поставок угля и продовольственных товаров из северной части. В конце сентября 1945 г. Х.М. Беннингхоф сообщал в Госдепартамент: «Мы мало знаем о действиях или политике русских оккупационных сил на севере... Более чем вероятно, что они собираются советизировать Северную Корею так же, как советизировали Восточную Европу. Соединенные Штаты могут скоро столкнуться с теми же проблемами, которые им приходилось решать в Румынии, Венгрии и Болгарии»²². Кроме того, Госдепартамент выражал большую озабоченность отсутствием регулярных контактов между советскими оккупационными властями в Корее и генералами Дж.Р. Ходжем и Д. Макартуром. Например, 6 ноября 1945 г. в ноте на имя В.М. Молотова посол США в СССР А. Гарриман сообщал о том, что множество важных социальных и экономических вопросов (в частности, о снабжении Южной Кореи углем и электроэнергией, возобновлении железнодорожного сообщения и т.п.), требующих немедленного рассмотрения, продолжают оставаться нерешенными²³.

Вопреки недовольству политикой СССР в Корее, растущему в Госдепартаменте США, советское руководство не предпринимало никаких шагов, открыто противоречивших обязательствам, озвученным в Ялте. Напротив, принимая во внимание нараставшее в Европе противостояние, политическую мощь корейских коммунистов и исключительную непопулярность политики американских оккупационных сил, Москва всеми силами старалась предотвратить любые конфликты вокруг Кореи. Одной из причин этой политики была неопределенность в отношении будущего этой страны. За всю осень 1945 г. в советской прессе не было ни одного упоминания об опеке. Как известно, Кремль никогда не позволял газетам печатать материалы по тем вопросам, в отношении которых существовала какая-либо неясность, а в ноябре 1945 г. судьба Кореи оставалась для И.В. Сталина неизвестной — во многом из-за ряда серьезных политических конфликтов со вчерашними союзниками.

В середине ноября 1945 г. А. Гарриман сообщил госсекретарю Дж. Бирнсу, что русские выступают за независимость Кореи. Он писал: «Советский Союз ясно дал понять, что он исторически рассматривал Корею в том же свете, что Финляндию, Польшу и Румынию — как плацдарм для нападения на СССР. Поэтому следует ожидать, что Советский Союз будет пытаться иметь там доминирующее влияние. При этом советское влияние будет, скорее всего, обеспечиваться за счет создания «независимого дружественного» режима, чем за счет какой-либо сис-

²² The political adviser in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State. September 29, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1061—1065.

²³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 18. Д. 168. Л. 17.

темы международной опеки. Она не только не сможет обеспечить Советам превосходство, но будет означать, что СССР получит лишь один из трех или четырех равных по влиянию голосов. Соответственно, пока другие державы лишь начинают обдумывать, что делать с Кореей, СССР, скорее всего, предпочтет действовать, а не спорить...»²⁴.

ПРОРАБОТКА УСЛОВИЙ ОПЕКИ

Следует отметить, что в доступных нам советских документах конца 1945 г. не приводится никаких доказательств стремления советского руководства отказаться от идеи опеки. Необходимо подчеркнуть, что и в упомянутой выше директиве Госдепартамента США генералу Д. Макартуру четырехсторонняя опека над Кореей представляется как необходимый этап на пути к независимости этой страны²⁵.

Конкретные условия предполагаемой опеки над Кореей были окончательно сформулированы на Московской встрече Совета министров иностранных дел стран-союзниц (СМИД) в декабре 1945 г. — той самой встрече, на которой переговоры практически по всем европейским проблемам зашли в тупик. Советский Союз и Соединенные Штаты договорились создать в Корее демократическое правительство и учредить Совместную советско-американскую комиссию для выработки общих принципов функционирования четырехсторонней опеки над Кореей на пятилетний период. До начала 1950 г. именно это соглашение служило основой советской политики в отношении Кореи²⁶.

В НКВД прекрасно понимали, что выработать общие с американцами принципы в отношении Кореи практически невозможно. Помимо очевидных сложностей в интерпретации советским и американским руководством одних и тех же понятий этому немало способствовало наличие в США большого числа политических партий и групп, каждая из которых имела собственное видение основ корейской политики. Тем не менее, на Московской встрече СМИД советская делегация всячески поддерживала идею создания временного правительства Кореи с последующим установлением опеки, поскольку такая позиция, безусловно, отвечала советским национальным интересам при любом развитии событий. Об этом свидетельствуют и рабочие документы, подготовленные НКВД к началу встречи. Например, отчет уже упоминаемого Я. Малика под заголовком «К вопросу о едином правительстве для Кореи» от 7 декабря 1945 г. начинается со следующей фразы: «Советскому Союзу будет политически нецелесообразно выступать против создания единого корейского правительства»²⁷. В конце декабря 1945 г. сообщения

²⁴ The Ambassador in the Soviet Union (Harriman) to the Secretary of State, November 12, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1121—1122.

²⁵ Basic Initial Directive to the Commander In Chief, U.S. Army Forces, Pacofoc, For the Administration of Civil Affairs in Those Areas of Korea Occupied by U.S. Forces // FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1074.

²⁶ FRUS: diplomatic papers. 1945. General: political and economic matters. Vol. II. P. 820—821.

²⁷ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 1. П. 1. Д. 15. Л. 18.

о предстоящем установлении четырехсторонней опеки над Кореей появились и в советской прессе²⁸. Таким образом, к концу 1945 г. советская и американская стороны не имели формальных разногласий о способе решения корейского вопроса.

Работа Совместной комиссии зашла в тупик уже в 1946 г., когда в Корее начались беспорядки, вызванные резко отрицательным отношением населения к идее опеки. Ее поддерживали только коммунисты, получившие соответствующие инструкции из Москвы²⁹. В дальнейшем деятельность комиссии блокировала уже непримиримые разногласия между СССР и США относительно принципов формирования Временного корейского демократического правительства.

УЧАСТНИКИ «КОРЕЙСКОЙ ИГРЫ»

Необходимо отметить, что на протяжении почти всего 1945 г. в решении корейского вопроса пытались принять участие еще 2 стороны, деятельность которых недостаточно освещена в отечественной и зарубежной историографии.

Первая из них — уже упоминавшийся Объединенный корейский комитет, действовавший в интересах Временного правительства Республики Корея. В 1944—1945 гг. деятельность Ли Сын Мана значительно активизировалась. В частности, в сентябре 1944 г. он связался с послом СССР в США А.А. Громько, желая установить дружеские отношения с советским руководством. Письмо, отправленное им А.А. Громько, заканчивалось следующими словами: «Объединенный корейский комитет в Америке убежден в том, что взаимопонимание и сотрудничество с народом Советского Союза необходимо корейскому народу для достижения успеха в обретении независимости и в определении своего статуса как народа, который должен быть освобожден. И... он ищет возможности... вступить... в дружеские отношения с народом Советского Союза»³⁰. Такие же авансы были сделаны американскому правительству. И И.В. Сталин, и Ф.Д. Рузвельт отреагировали на них весьма индифферентно³¹.

20 февраля 1945 г. заместитель госсекретаря США Дж. Данн сообщил послу США в Китае П. Херли, что Госдепартамент получил письмо от д-ра Сынмана Ри, председателя «Корейской комиссии», в котором содержится следующий абзац: «С 7 декабря 1941 г. мы вместе с членами Государственного департамента наблюдали неоднократные и очевидные признаки опасности того, что корейская коммунистическая армия, создаваемая в Сибири русскими, может ворваться в Корею в благоприятный для себя момент и захватить весь полуостров до того, как Корейское национальное демократическое правительство в изгнании найдет возможность вернуться в Корею»³². Получив срочное задание подтвердить или опровергнуть эти факты, поверенный в делах США в СССР Дж. Кеннан 17 апреля 1945 г. сообщил, что «все корейцы, как советские граждане, так и граждане Японии, были

²⁸ См. напр.: К итогам Московского совещания трех министров иностранных дел // Известия. 1945. 28 декабря. С. 1.

²⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 205. Л. 2—4.

³⁰ АВПРФ. Ф. 192. Оп. 11. П. 76. Д. 20. Л. 1—2.

³¹ FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1022.

³² The Acting Secretary of State to the Ambassador in China. February 20, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1023, f. 15.

вывезены из Приморья еще в 1937 г. Консульство во Владивостоке никогда даже не слышало о так называемом Комитете освобождения Кореи, и весьма маловероятно, чтобы подобная организация была создана в таких явно неестественных условиях»³³.

Несмотря на то что чиновники Госдепартамента реагировали на его послания достаточно холодно, Ли Сын Ман продолжал действовать в той же манере, продолжая требовать признания Временного правительства Кореи в целях предотвращения советской экспансии в Корею. Так, 15 мая 1945 г. он написал Г. Трумэну очень любопытное письмо, начинавшееся со слов: «Мой дорогой Президент Трумэн, недавняя находка секретного соглашения, заключенного в Ялте и противоречащего Каирской декларации в отношении Кореи, была, без сомнения, так же удивительна Вашему Превосходительству, как и мне. Ваше Превосходительство вспомнит, что Корея уже не в первый раз становится жертвой секретной дипломатии...»³⁴.

Ответ на это послание последовал через 3 недели и был подписан одним из чиновников отдела по делам Дальнего Востока. В нем очень сухо констатировалось, что ялтинские соглашения полностью соответствовали Каирской декларации, а так называемое Временное корейское правительство не было и не будет признано Соединенными Штатами в качестве представителя корейского народа³⁵. Как видим, в июне 1945 г. Г. Трумэн еще строго следовал обязательствам в отношении Кореи, взятым на себя Ф.Д. Рузвельтом на Ялтинской конференции.

Пытаясь поссорить Москву и Вашингтон, Ли Сын Ман в то же время продолжал попытки наладить отношения с советским руководством. 28 марта 1945 г. он направил на имя А.А. Громько письмо, в котором выражал «дружеские теплые чувства, которые все время существовали между Россией и Кореей со времени подписания договора о торговле и дружественных отношениях в 1884 г.». Далее в письме говорилось о недопустимости выработки какой-либо послевоенной программы в отношении Кореи, поскольку она «приносит ущерб стремлениям и решимости Временного корейского правительства и корейского народа»³⁶. 6 апреля А.А. Громько переслал это письмо А.Я. Вышинскому³⁷. В НКВД на него, по совету А.А. Громько, решили вообще не отвечать за отсутствием политической целесообразности и малозначительностью возглавляемой Ли Сын Маном группы корейцев³⁸. О нем были наведены справки и составлен отчет, характеризовавший его как наиболее реакционную фигуру среди корейских политических лидеров, «верного слугу американского капитала» и сторонника создания независимой Кореи, в которой «вместо японских захватчиков на шею корейского народа будут

³³ The Chargé in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State. April 17, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1024—1025. P. 1026—1027.

³⁴ The Chairman of the Korean Commission in the United States (Rhee) to President Truman. May 15, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1028—1029.

³⁵ The Acting Secretary of State to the Chairman of the Korean Commission in the USA (Rhee). June 5, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1029—1030.

³⁶ АВПРФ. Ф. 0192. Оп. 29 АВТО. П. 18. Д. 168. Л. 1—2.

³⁷ Там же. Л. 3.

³⁸ Там же. Л. 4.

сидеть корейские землевладельцы и капиталисты, поддерживаемые Соединенными Штатами» [Weathersby 1993: 19—20].

В начале 1946 г. Ли Сын Ман согласился распустить Временное правительство Кореи и начал сотрудничать с американской военной администрацией в Корее³⁹. Несмотря на то что в 1948 г. он стал первым президентом Южной Кореи, союзники относились к нему негативно. И американские, и британские дипломаты называли его «одержимым властью маньяком» [Kim 2009: 165], готовым «продать душу» за пост президента Кореи⁴⁰.

Второй малоизвестный участник корейской игры — Китайско-корейская народная лига под руководством Килсу Хаана — организация, объединявшая американских и гавайских корейцев и исповедовавшая так называемый конструктивный американизм. Еще в 1930-х гг. Хаан стремился доказать властям США, что американские корейцы могут оказать значительную помощь в борьбе с японской угрозой, которая виделась ему неизбежной [Kim 2011: 110]. В 1945 г. Китайско-корейская народная лига, выступавшая единым фронтом с прокоммунистической Корейской национальной революционной партией, попыталась исполнить роль посредника между СССР и США, надеясь тем самым укрепить свое положение в Корее. В отличие от Ли Сын Мана, старавшегося поссорить Москву с Вашингтоном, Хаан сделал ставку на их сотрудничество, которое представлялось ему единственной эффективной основой достижения независимости Кореи.

Получив известие о денонсации советским руководством советско-японского пакта о нейтралитете 5 апреля 1945 г., Килсу Хаан в тот же день послал А.А. Громыко поздравительную телеграмму, в которой говорилось, что Лига «готова сотрудничать и взаимодействовать с Советской Россией, чтобы разбить японцев»⁴¹.

По всей видимости, какие-то контакты между Килсу Хааном и Москвой существовали и до апреля 1945 г. Так, в архивах НКВД сохранился релиз от 7 декабря 1944 г. с отчетом агентов Хаана о возможном нападении Японии на СССР в мае-июне 1945 г. Из отчета следовало, что оно может стать упредительной мерой из-за страха Токио перед нападением СССР⁴².

2 мая 1945 г. в «Нью-Йорк таймс» было опубликовано открытое письмо соратника Хаана, президента Института по делам Кореи Ким Енчжона, под заголовком «Корея не продается». По сути это письмо защищало советское руководство от нападок тех, кто предсказывал скорый захват Кореи Советским Союзом, а недавно умершего президента Ф.Д. Рузвельта — от любых обвинений в секретном сговоре с И.В. Сталиным по Корее⁴³.

В письме А.А. Громыко от 8 августа 1945 г. Хаан желал «Союзу Советской России» удачи в войне с общим врагом и просил разрешения посетить его в удобное время. Кроме того, Хаан интересовался возможностью отправки представителя Лиги в Сибирь, не объясняя, впрочем, его полномочий и задач.

³⁹ FRUS. 1946. Vol. VIII. P. 627.

⁴⁰ The Political Advisor in Korea (Jacobs) to the Secretary of State. August 8, 1947. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 746.

⁴¹ АВПРФ. Ф. 192. Оп. 12. П. 85. Д. 14. Л. 34.

⁴² Там же. Л. 35.

⁴³ Там же. Л. 41.

9 августа 1945 г. в очередном письме А.А. Громыко Хаан просил его сделать заявление о приверженности СССР формулировкам Каирской декларации и о предоставлении Корею «в надлежащий срок» свободы и независимости, поскольку такое заявление «поднимет дух 26 миллионов корейцев и... одним махом... опровергнет наветы некоторых антисоветски настроенных американцев и их корейских друзей вроде д-ра Сынмана Ри». В пример приводилось приложенное к письму аналогичное заявление министра иностранных дел Югославии И. Шубашича. «Более половины населения всего земного шара, живущего в Азии и на Ближнем Востоке, — писал далее Хаан, — наблюдает за развитием советской политики в Азии. Мы задаемся вопросом, совершит ли Россия ошибку, поглотив такую маленькую страну, как Корея, и утратив тем самым доверие сотен миллионов жителей Азии?»⁴⁴.

Как известно, советское руководство не пошло на такое заявление. Однако НКВД живо интересовался как деятельностью Лиги, так и личностью самого Хаана. Так, в этом же деле хранится не только биография Хаана, но и множество отзывов влиятельных американских политиков о нем самом и о работе Лиги⁴⁵.

5 сентября 1945 г. последовало еще одно письмо Хаана А.А. Громыко о возможности отправки представителя Лиги в Сибирь и Корею на советском торговом судне или самолете. В письме содержалось также очередное предупреждение о возрастании активности антисоветских корейских организаций в Америке — Корейской комиссии и Американского объединенного корейского комитета. В завершение письма Хаан предложил Москве помощь в формировании «хорошего стабильного корейского правительства»⁴⁶.

В письме от 9 октября 1945 г., ссылаясь на сообщения в прессе, Хаан благодарил советское правительство за «демократическую политику» в Северной Корее — отстранение от должностей японских чиновников и их арест, возвращение корейцам отнятой у них японцами собственности и т.д. Заканчивалось письмо следующей фразой: «Мыслящие корейцы хотят, чтобы между СССР и США царили единодушие и гармония». Для их достижения Лига и Корейская национальная революционная партия внесли на рассмотрение советского и американского руководства следующее предложение: создать временную рабочую комиссию из 18 представителей — 12 корейцев (6 из советской и 6 из американской оккупационной зоны) и 6 советских и американских чиновников со сроком работы 1 год — с 1 января по 31 декабря 1946 г. Задачи комиссии должны были включать:

- ликвидацию зон оккупации и создание единого советско-американского командования;
- подготовку и проведение в мае 1946 г. всекорейских выборов;
- созыв Учредительного собрания и создание Временного правительства не позднее 14 августа 1946 г. — пятилетней годовщины Атлантической хартии;
- создание органа по разбирательству дел о коллаборационизме;
- организацию временного земельного кооператива для распоряжения землей, отобранной у японских захватчиков и коллаборационистов⁴⁷.

⁴⁴ АВПРФ. Ф. 192. Оп. 12. П. 85. Д. 14. Л. 44.

⁴⁵ Там же. Л. 48, 49 об., 50.

⁴⁶ Там же. Л. 49 об.

⁴⁷ Там же. Л. 52—53.

Инициатива Хаана не нашла поддержки у руководства НКВД: на письме стоит пометка «Доложено. Оставить без ответа». Тем не менее какая-то коммуникация между Лигой и советской стороной продолжалась, по всей видимости, до конца 1945 г. Так, 15 декабря уже упоминавшийся президент Института по делам Кореи Ким Енчжон послал А.А. Громыко только что изданную карту Кореи с возвращенными корейскими топонимами⁴⁸. Получение этой карты со всеми необходимыми реверансами было подтверждено советским посольством 19 декабря 1945 г.⁴⁹

Никаких подтверждений продолжения контактов между Китайско-корейской народной лигой в 1946 г. и советским руководством найти пока не удалось. По всей видимости, их не было вообще или они были весьма спорадическими, поскольку на протяжении всего 1946 г. ситуация на Корейском полуострове продолжала оставаться неопределенной.

Позиция СССР в этот период была достаточно выигрышной. С одной стороны, выступая за объединение Кореи и создание временного правительства, Советский Союз выглядел подлинным защитником решений Московской конференции. С другой стороны, продолжающееся разделение полуострова на 2 зоны оправдывала сама политическая обстановка вокруг корейского вопроса, что позволяло Москве сохранять контроль над территорией и ресурсами северной части Кореи.

С конца 1945 г. до начала 1950 г. советская политика в отношении Кореи — соблюдение ялтинских обязательств наряду с обеспечением политического влияния в северной части полуострова — формально сохранялась практически в неизменном виде. Что касается американского руководства, то, как следует из известного выступления Д. Ачесона в Национальном пресс-клубе США 12 января 1950 г., так называемый оборонный периметр Соединенных Штатов не включал территорию Кореи, которая оказывалась вне зоны национальных интересов США⁵⁰.

Таким образом, до конца 1949 — начала 1950 г. ни СССР, ни США не рассматривали Корейский полуостров как потенциальный театр будущих боевых действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Корейский вопрос и американские войска в Южной Кореи. Пхеньян, 2003.
Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий. М.: Вече, 2010.
Кошкин А.А. Японский фронт Маршала Сталина. Факты. Документы. М.: Олма-Пресс, 2004.
Садаков Д.А. Корея 1945—1948. Решения США и СССР в процессе конструирования будущего полуострова как триггеры раскола // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 9. С. 33—45.
Того С. Воспоминания японского дипломата. М.: Новина, 1996.
Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953 гг.). М.: Госуд. изд-во полит. литер., 1958.

⁴⁸ АВПРФ. Ф. 192. Оп. 12. П. 85. Д. 14. Л. 55.

⁴⁹ Там же. Л. 56.

⁵⁰ Crisis in Asia — An Examination of U.S. Policy. D. Acheson Speech in the National Press Club, January 12, 1950. Department of State Bulletin. 1950. No 22. January 23. P. 111—118.

- Borton H.* Spanning Japan's Modern Security: the Memoirs of Hugh Borton. N.Y.: Lexington, 2002.
- Byrnes J.F.* Speaking Frankly. N.Y.: Harper & Brothers, 1947.
- Cumings B.* The Origins of the Korean War: In 2 Volumes. Vol. I. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Dallin D.* Soviet Foreign Policy After Stalin. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1961.
- Kim R.S.* American Diplomacy and Strategy toward Korea and Northeast Asia, 1882—1950 and After: Perception of Polarity and US Commitment to a Periphery. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2009.
- Kim R.S.* The Quest for Statehood: Korean Immigrant Nationalism and U.S. Sovereignty, 1905—1945. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Shulman M.* Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963.
- Slavinskii B.N.* The Japanese-Soviet Neutrality Pact, 1941—1945. Routledge, 2004.
- Stettinius E.R., Jr.* Roosevelt and the Russians. Garden City, N.Y.: Doubleday and Company, 1949.
- Taylor P.H.* Military Government Experience in Korea // American Experiences in Military Government in World War II. Ed. by Friedrich et al. editors. N.Y.: Rinehart, 1948. P. 355—377.
- Ulam A.* The Communists: The Story of Power and Lost Illusions: 1948—1991. New York and Toronto: Charles Scribner's Sons, 1992.
- Weathersby K.* Soviet Aims in Korea and the Origins of the Korean War, 1945—1950: New Evidence from Russian Archives. Paper prepared of the Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C., 1993.
- Welles S.* Seven decisions that shaped History. N.Y.: Harper & Row, 1950.

Дата поступления статьи: 12.06.2017

Для цитирования: Минкова К.В. Советско-американские противоречия в решении корейского вопроса (1944—1945 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 839—856. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-839-856.

Сведения об авторе: Минкова Кристина Владимировна — канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: kristina_minkova@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-839-856

SOVIET-AMERICAN CONTRADICTIONS REGARDING KOREA (1944—1945)

K.V. Minkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the place of the Korean problem in Soviet-American relations of the first post-war years. It reveals the foundations of Soviet and American policy towards the “Korean question” and introduces two new actors that operated on the U.S. territory and played a significant role in shaping this policy.

Stemming from principles of historicism and scientific objectivity, having carefully analyzed Soviet documents and compared them with those of the U.S., the author concludes that before the beginning of 1950, the Korean question has not been a top priority issue neither for Moscow nor for Washington. Both sides advocated the creation of an independent Korea (albeit with different goals and in their own unique understanding of “independence”). At the same time, at the end of 1945, the Korean question became one of the issues that prevented the Yalta agreements becoming a reality. Like a number of other issues that were considered at the same time and did not receive the expected and rapid solution, the Korean problem was no longer perceived by the Allies as an autonomous one. The emergence of mutual misunderstanding and suspicion between the USSR and the United States was partly promoted by the actions of the future

first president of South Korea, Syngman Rhee, who sought to increase his political capital through exciting enmity between the Soviet Union and the United States. A certain role in them was played also by the head of the Sino-Korean People's League Kilsoo Haan.

The change in Soviet policy towards Korea, which became one of the main reasons for the outbreak of the Korean War, occurred only in the early 1950 and was the result of a dramatic change in the political situation in the world, which differed dramatically from that of the Yalta agreements.

Key words: Korea, Yalta Conference, Truman, Stalin, Japan, Konoe, Syngman Rhee, Kilsoo Haan, the Korean Commission, Sino-Korean Peoples' League

REFERENCES

- Borton, H. (2002). *Spanning Japan's Modern Security: the Memoirs of Hugh Borton*. N.Y.: Lexington.
- Byrnes, J.F. (1947). *Speaking Frankly*. N.Y.: Harper & Brothers.
- Cumings, B. (1981). *The Origins of the Korean War: In 2 Volumes*. I. Princeton: Princeton University Press.
- Dallin, D. (1961). *Soviet Foreign Policy After Stalin*. Philadelphia: J.B. Lippincott.
- Kim, R.S. (2009). *American Diplomacy and Strategy toward Korea and Northeast Asia, 1882—1950 and After: Perception of Polarity and US Commitment to a Periphery*. N.Y.: Palgrave McMillan.
- Kim, R.S. (2011). *The Quest for Statehood: Korean Immigrant Nationalism and U.S. Sovereignty, 1905—1945*. Oxford: Oxford University Press.
- Korean question and the American Forces in the Southern Korea*. (2003). Pyongyang. (in Russ.).
- Koshkin, A.A. (2004). *Stalin's Japanese Front. Facts. Documents*. Moscow: Olma-Press. (in Russ.).
- Koshkin, A.A. (2010). *Russia and Japan: Knots of Contradictions*. Moscow: Veche. (in Russ.).
- Sadakov, D.A. (2016). Korea, 1945—1948. Decisions of the USA and USSR in the Process of Constructing the Future of the Peninsula as the Triggers of Break-up. *Herald of Vyatka State University for the Humanities*, 9, 33—45. (in Russ.).
- Shabshina, F.I. (1958). *Essays on the Contemporary History of Korea, 1945—1953*. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.).
- Shulman, M. (1963). *Stalin's Foreign Policy Reappraised*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Slavinskii, B.N. (2004). *The Japanese-Soviet Neutrality Pact, 1941—1945*. London, N.Y.: Routledge.
- Stettinius, E.R. Jr. (1949). *Roosevelt and the Russians*. Garden City, N.Y.: Doubleday and Company.
- Taylor, P.H. (1948). *Military Government Experience in Korea*. In: ed. *American Experiences in Military Government in World War II*. Ed. by Friedrich et al. N.Y.: Rinehart, p. 355—377.
- Togo, S. (1996). *Memoirs of a Japanese Diplomat*. Moscow: Novina. (in Russ.).
- Ulam, A. (1992). *The Communists: The Story of Power and Lost Illusions: 1948—1991*. New York and Toronto: Charles Scribner's Sons.
- Weathersby, K. (1993). *Soviet Aims in Korea and the Origins of the Korean War, 1945—1950: New Evidence from Russian Archives*. Paper prepared of the Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C.
- Welles, S. (1950). *Seven decisions that shaped History*. N.Y.: Harper & Row.

Received: 12.06.2017

For citations: Minkova, K.V. (2017). Soviet-American Contradictions Regarding Korea (1944—1945). *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 839—856. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-839-856.

About the author: *Minkova Kristina Vladimirovna* — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of American Studies of the Faculty of International Relations of Saint Petersburg State University (e-mail: kristina_minkova@mail.ru).

© Минкова К.В., 2017